

ИСПЫТАНИЕ РОССИЙСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

В новейшей истории России можно выделить два коротких периода относительно устойчивой экономической, политической и социальной жизни – застой 70-х годов XX века и стабильность последних пяти лет текущего времени. Первый период ознаменовал достижение исторического пика и явился преддверием начала глубокого провала и крушения России в лице Советского Союза, второй символизирует возможный конец падения и начало нового исторического подъема в лице трансформированной России. Но оба периода почти совпадают по своему материальному фундаменту в виде природного энергетического потенциала и управленческому ресурсу в виде концентрированной власти первых лиц государства.

Как известно, первый период закончился вследствие обесценивания энергетического потенциала под воздействием научно-технической революции и в результате размывания партийно-государственной власти под напором идеологического давления извне. Вероятность повторения такого же исторического сценария в развитии России просматривается достаточно определенно.

Нынешняя ситуация исторически уникальна в том плане, что наличие природных ресурсов, необходимых для современного типа материально-технического развития, дает возможность надеяться на достижение такого уровня и степени массовости благополучия граждан, которого в России никогда не было.

Это возможно при условии:

1. Тенденция с высокими ценами и расширенным спросом на российские природные ресурсы окажется достаточно устойчивой, когда будут уже не случайными, не будто с неба упавшими выкачанные из земли газо- и нефтедоллары. Иначе говоря, предполагается, что цена и спрос, с одной стороны, а запасы ресурсов, с другой стороны, сохранятся и в исторически обозримой, достаточно длительной перспективе.

2. Переход России на инновационное материально-техническое развитие, которое в единстве с сырьевой и энергетической обеспеченностью превратит страну в одного из лидеров глобального мира.

3. Общественно-значимое, социально-ориентированное распределение национального богатства, создающее необходимые предпосылки для формирования передового человеческого капитала.

Однако имеются факторы, препятствующие историческому возрождению России:

1. Нежелание окружающего мира в целом признать всю полноту суверенности России в распоряжении своими природными ресурсами, а также принципиальная непрекращаемость попыток со стороны отдельных государств сориентировать тем или иным способом внешнюю политику России в выгодную для них сторону. История России изобилует примерами вмешательства извне во внутренний процесс формирования ее

государственной власти, будь то дворцовые перевороты или дирижирование парламентскими выборами.

2. Стартовая недостаточность внутренней консолидированности российского общества, избыточная социальная напряженность, вызываемая глубокой имущественной дифференциацией.

Последние сто лет российской жизни ознаменовались призывом к всеобщему благополучию, борьбой за высокий уровень потребления по исторически сложившимся показателям. Чем шире сфера потребления, тем больший объем богатства требуется, тем труднее для России его обеспечить. Гонка в потреблении (как и в вооружении) все время отбрасывает Россию назад и обостряет внутреннюю борьбу за потребление. Навязывание образа жизни, ориентирующего на массовое потребление, разрушает Россию. Здесь нет никакого злого умысла ни с чьей стороны, это объективный процесс, но одновременно и форма соревнования, борьбы за место в социальном пространстве.

Модель постиндустриального общества, сформировавшаяся на примерах жизни лидирующих стран, на почве российской действительности означает следующее: никто не хочет работать в сфере материального производства, все хотят управлять, заниматься бизнесом, играть в футбол, теннис, петь, танцевать, драться на ринге и т.д. Конечно, многие зрелищные профессии труднее материально-производственных, они требуют больше таланта и труда, однако все наиболее талантливое концентрируется в лидирующих странах – и наука, и искусство, и спорт, – туда приток талантов извне, из аутсайдеров, в сопровождении со строителями, уборщиками, официантами и другими представителями сферы обслуживания. А материальное производство выносится вовне – сборка автомобилей, прокат металлов и пр. На территориях аутсайдеров складывается индустриальное общество, но на базе привозных готовых технологий.

Есть определенные циклы общественного развития, не заданные и не повторяющиеся. Общество все время идет по какому-то новому пути. Новизна – это объективная необходимость цивилизации, в ней нет никакого ценностного содержания. Новизна – не судьба, не обреченность, не приговор, это просто необходимость. Но всегда имеются этапы устоявшегося способа существования. Если не переменить способ жизни, когда он исчерпывается, будет кризис. Если из кризиса не выйти, наступит конец, однако не в том смысле, что все погибнут, а в том, что общество безостановочно покатится назад. Впрочем, это только абстрактно-гипотетическое допущение, ибо человечество всегда меняет направление и движется дальше. Именно дальше, а не вперед, поскольку такого определенно-поступательного направления просто не существует.

Будущее никогда не будет лучше или хуже настоящего, которое, в свою очередь, не хуже и не лучше прошлого. История – это никогда не прекращающееся настоящее, в котором всегда кому-то хорошо, а кому-то плохо, то есть всегда сохраняется фундаментальное социальное отношение,

разделяющее людей на цель и средство. Состояние, когда всем было бы хорошо или плохо, принципиально невозможно.

По мере цивилизационного развития проблемы будут обостряться. Точнее – будет эволюционировать специфически-человеческий способ жизни: все больший отрыв от естественных оснований, увеличение степени риска, обострение всех проблем. Идеального состояния не будет никогда, потому что его не может быть в принципе. Ухудшение положения будет все более вероятным: обострение борьбы, обострение средств ведения войны, средств уничтожения. Равно – происходит совершенствование всех средств защиты, но общая неравновесность социума увеличивается. То есть от каждого конфликта ожидаются все более разрушительные следствия.

В целом складывается такая картина: достижения идеального состояния не будет, потому что оно невозможно. Остается непреодолимое состояние борьбы за выживание, насилия, – динамика только в их обострении. Это как вечное падение вниз – остановиться невозможно, в процессе падения состоит вся жизнь, но падение происходит с нарастающим ускорением.

Проблема будущего – это объективная проблема устойчивости развития. Будущее не гарантировано, устойчивость материально-технического и социального развития есть результат борьбы, в которой две составляющие: освоение природы как источника ресурсов жизни и борьба общностей за ресурсы (сейчас это борьба за характер обмена результатами деятельности, когда более выгодный обмен достигается за счет технологического соревнования и путем силового воздействия).

Борьба за выживание является абсолютной, первичной. Лидирующие общности, имеющие возможность получать дополнительный жизненный ресурс от других общностей, объективно, по необходимости более консолидированы, едины в организации своей внутренней жизни. Отстающие общности, отдающие свой жизненный ресурс передовым общностям, неизбежно разобщены, глубоко дифференцированы и объективно, в силу самого положения, лишены объединяющей нормативности. Объединяющую и спасительную функцию по отношению к такой общности может выполнить только правящая элита, которая, в свою очередь, может это сделать только при появлении в общности волевого организующего начала. Потребность в таком консолидирующем силовом начале отпадет лишь тогда, когда данная общность перейдет в разряд передовых и, по крайней мере, перестанет быть источником дополнительного жизненного ресурса для других общностей, а в доведенном до логического конца статусе передовой сама сможет пользоваться плодами неэквивалентного обмена результатами деятельности, то есть сама сможет получать дополнительный жизненный ресурс. Лишь в этом случае в ее внутренней жизни свобода будет ограничена нравственностью, а духовность станет объединяющей силой. В случае реализации этого положения применительно к России, наверное, нет смысла противопоставлять друг другу в качестве образцов объединяющей духовности мистическую

православную святость и какую-либо сугубо рационалистическую наукоподобную идеологичность, – лишь бы данная духовность активно выполняла свою объединяющую, мобилизующую функцию. По крайней мере, ясно то, что озабоченность мировыми проблемами, стремление указать мировому сообществу спасительный путь развития и прочие мессианские интеллектуальные потуги в условиях катастрофической неупорядоченности собственной жизни нельзя квалифицировать иначе, чем экзистенциальное извращение.

Будущее России зависит от политической воли элиты. Какая бы власть ни была, она должна будет заниматься проблемой выживания общности. Здесь два главных условия:

1. Устранение пропасти между богатством и бедностью.
2. Формирование цели и соответствующей идеологии, которая должна быть, с одной стороны, привлекательна для основной массы населения, а с другой стороны, она должна быть оправданием организующего насилия государства, осуществляемого от ее имени.

Итоги российских преобразований ясны, но по-разному могут интерпретироваться, оцениваться. Однако до тех пор, пока не будет достигнуто единство (общее или победное, навязанное), не будет и общей оценки. Разница оценок – выражение борьбы интересов, многовластие. Власть в руках государства, никто государственности не отменял, но в современной России наблюдается дефицит государства как достаточной самостоятельной силы, к нему остается отношение лишь как к орудию, захватываемому теми или иными социальными группами.

Предлагается много схем развития России. Но до тех пор, пока не будет сформулирована идея достижения Россией лидирующего положения в мире, а на этой основе – внутреннего благополучия и стабильности, никакие схемы работать не будут. Либо пока не будет достигнуто абсолютное господство определенной силы, подавляющей всех остальных. Иначе говоря, либо демократия передовой общности, либо диктатура отсталой, но самостоятельной (в этом тоже интересы всей общности). А диктатура и несамостоятельность – это вариант банановой республики. Но Россия слишком велика для такого сценария. Стало быть, вопрос стоит о самом существовании России. А острота вопроса обусловлена уже той аномальной неопределенностью, которая связана с неопределенностью ситуации с выборами 2008 года?

Многопартийность в России означает отсутствие определенного порядка, социального единства, целостности. Она возникает в период кризиса, состояния на грани исторического бытия и небытия, жизни и смерти социального организма. Многопартийность в России является неотъемлемым признаком равновесного безвластия, гражданской войны, смутного времени.

Двухпартийная или даже многопартийная, но устойчивая блоковая система в современной России невозможна и останется невозможной до тех пор, пока в России не сложится ситуация объективно единого социального интереса.

Таким образом, Россия, в той формуле, по которой она до сих пор существует, обречена на централизм, обеспечивающий сохранение целостности за счет наднациональной, надконфессиональной и прочей надразделительной власти. Централизм может быть либо монархический, когда власть преемственна по линии кровнородственного наследования, либо единоличный диктаторский, когда преемственности власти нет вообще, либо демократический с преемственностью однопартийной власти по схеме демократического централизма.

О жизни зрелого человека говорят, что она еще не закончилась, но уже состоялась. Ничего нового ожидать уже не приходится. До сих пор жизнь поддерживалась только надеждой на нереализованные стремления (возможности). А в начале жизни было именно стремление к чему-то новому, желанному, но неизвестному, неизведанному.

Все это относится и к человечеству. Его существование состоялось, ничего нового уже не будет. Модели будущего, утопии остались позади, сейчас их никто не строит и не выдвигает. В лучшем случае осталось только стремление к решению текущих проблем. Но их не решить раз и навсегда, человечество обречено на их перманентную неразрешимость. Время экспериментальных социальных моделей закончилось. Остались только проблемы и всеобщая борьба.

Но есть еще один образ – это образ страны. Образ новой России не только не сформировался, он, строго говоря, и не начал формироваться, не может приобрести целевую заданность. Более определенно обстоит дело с образом прошлой страны, который в рациональном сознании все более тускнеет. В аспекте общественной самоидентификации простых людей образ прошлого вызывает одновременно и сожаление, и облегчение: сожаление об утрате принадлежности к великой стране, которая, как казалось, гарантирует абсолютную справедливость и никогда никого не оставит без помощи; облегчение от осознания беспросветной серости и непреходящей обыденности существования рядового человека. Но все более явственно приходит понимание исчерпания возможностей социалистического способа жизни, иллюзорности надежд на идеальное будущее, обреченности казавшегося несокрушимым коммунистического социума на слом. В свете этого положения особенно болезненно переживается отсутствие позитивного, конструктивного образа современной, а тем более будущей России, когда складывается и укрепляется ощущение подмены тусклой, подсвеченной одноцветными лозунгами реальной жизни, на жизнь, ярко высвеченную рекламным разноцветьем, но суррогатную.

Реформы, которые затягиваются, переходят в контрреформы.

В плоскости инженерного осмысления грядущей судьбы России главный тезис состоит в том, что все разговоры о великой, богатой, свободной и т.д. стране обретут смысл лишь при осуществлении штурма, силового натиска, прорыва, отвоевывания своего места в мировом жизненном пространстве. В эти понятия вкладывается не военное, а научно-техническое содержание.

